

Nove klaida de regus

Fabula bay H.C.Andersen

Mucho yar bak ye regus, kel pri jamile nove klaidas tanto gro, ke lu spendi ol luy mani pur ili. Es solem fo diki luy nove klaida ke lu komuniki kun luy soldates, go a teatro o safari in shulin. Lu hev spesiale frak fo kada ora de dey, e samem kom oni shwo om regas: "Ta es in luy konsilio", hir oni sempre shwo: "Regus es in klaidashamba".

Regus-residi-ney urba es gran e mange, kada dey mucho garibjen lai. Un dey dwa julnik lai. Ili deklari ke ili es texiyer e ke ili mog texi zuy jamile kapra ke oni mog imajini. Suy kolores e rasmus es extraordinarem jamile, e krome to, aus-sey-kapra-suti-ney klaida hev miraklose kwalitaa: da es buvidibile fo kadun hu es bu godi-she fo suy gunposto o gro-stupide.

"Da wud bi exelente klaida! — regus dumai. — Afte pahani da, me wud mog deskovri, hu in may registan bu godi fo suy gunposto. Yoshi me wud mog distinkti intele-las fon stupide-las. Ya, ba oni texi tal kapra fo me tuy!"

Also lu dai mucho mani a julnikes, dabe ili begin gun.

Also ili stavi dwa teximashina e simuli, kwasi ili gun, bat in fakto on mashinas bu ye ga nihsa. Sin hesiti ili demandi zuy faine silka e zuy pure golda; ili ahfi se olo fo swa selfa, e kontinui gun an vakue teximashinas til tarde nocha.

"Wud bi hao, tu kan komo proses go", — regus dumai, bat koy buhao sentia lai a suy kordia, wan lu remembi, ke stupide-la o bu godi-she-la fo suy posto bu mog vidi kapra. E obwol lu kredi, ke lu selfa bu treba fobi, yedoh lu desidi, ke es pyu hao to sendi koyun otre fo kan. Ol urba yo jan ya om kapra-ney miraklose kwalitaa, e kadun yao mah swa serte, ke suy visin es bu godi-she o stupide.

"Treba sendi a texiyeres may lao honeste ministra, — regus desidi. — Lu hi mog vidi kapra hao, lu es ya intele e godi-she fo luy posto pyu kem eniun otre."

Also hao lao ministra go inu sala, wo dwa julnik zai gun an vakue mashinas.

"Boh, helpi me! — lao ministra dumai, al mah-gran okos. — Me bu vidi ga nihsa!"

Новое платье короля

Сказка Г.Х.Андерсена

Много лет назад жил-был король, который страсть как любил наряды и обновки и все свои деньги на них тратил. И к солдатам своим выходил, и в театр выезжал либо в лес на прогулку не иначе как затем, чтобы только в новом наряде щегольнуть. На каждый час дня был у него особый камзол, и как про королей говорят: "Король в совете", так про него всегда говорили: "Король в гардеробной".

Город, в котором жил король, был большой и бойкий, что ни день приезжали чужестранные гости, и как-то раз заехали двое обманщиков. Они сказались ткачами и заявили, что могут выткать замечательную ткань, лучше которой и помыслить нельзя. И расцветкой-то она необыкновенно хороша, и узором, да и к тому же платье, сшитое из этой ткани, обладает чудесным свойством становиться невидимым для всякого человека, который не на своем месте сидит или непроходимо глуп.

"Вот было бы замечательное платье! - подумал король. - Надел такое платье - и сразу видать, кто в твоём королевстве не на своем месте сидит. А еще я смогу отличать умных от глупых! Да, пусть мне поскорее соткут такую ткань!"

И он дал обманщикам много денег, чтобы они немедленно приступили к работе.

Обманщики поставили два ткацких станка и ну показывать, будто работают, а у самих на станках ровнехонько ничего нет. Не церемонясь потребовали они тончайшего шелку и чистейшего золота, прикарманили все и продолжали работать на пустых станках до поздней ночи.

"Хорошо бы посмотреть, как подвигается дело!" - подумал король, но таково-то смутно стало у него на душе, когда он вспомнил, что глупец или тот, кто не годится для своего места, не увидит ткани. И хотя верил он, что за себя-то ему нечего бояться, все же рассудил, что лучше послать на разведки кого-нибудь еще. Ведь весь город уже знал, каким чудесным свойством обладает ткань, и каждому не терпелось убедиться, какой никудышный или глупый его сосед.

"Пошлю к ткачам своего честного старого министра! - решил король. - Уж кому-кому, как не ему рассмотреть ткань, ведь он умен и как никто лучше подходит к своему месту!"

И вот пошел brave старый министр в зал, где два обманщика на пустых станках работали.

"Господи помилуй! - подумал старый министр, да так и глаза растарачил. - Ведь я ничего-таки не вижу!"

Bat lu bu shwo se lautem.

E julnikes proposi, ke lu lai pyu blisem; al indiki vakue mashinas, ili kwestii, ob kolor e rasma es hao, bat ministra vidi nihsa, obwol lu kan hao-hao.

"Oo may Boh! — lu dumai. — Ob es posible, ke me es stupide? Me wud neva dumai se. Niun mus jan se! Me bu godi fo may posto ku? Non, me bu mus konfesi a eniun, ke me bu vidi kapra".

— Hey, way yu bu shwo nihsa om da? — un texiyer kwestii.

— Oo, da es muy naise! Gro-charmaful! — lao ministra shwo al kan tra okulo. — Gro-hao rasma, gro-hao kolores! Ya, me sal shwo a regus, ke me pri da gro.

— Hao, se plesiri nu, — ambi julnik shwo e begin deskribi kolores e rare rasma. Lao ministra audi atentem, dabe mog rakonti olo a regus exaktem; e lu suksezi zwo se.

Nau dwa julnik demandi pyu mani, pyu silka e golda fo texing. E snova ili pren olo fo swa selfa, yusi bu un fio fo texing, bat kontinui gun an vakue mashinas, kom bifooen.

Sunem regus sendi yoshi un respekti-ney yuan dabe kan, komo texing progresi e ob kapra es tayare sunem. Sama ke in kasu de ministra eventii: yuan kan hao-hao, bat vidi nihsa, por ke bu ye nihsa exepte vakue teximashinas.

— Wel, kwo? Es realem jamile kapra, bu ver? — dwa julnik shwo, diki i expliki splenide rasma, kel totem bu existi.

"Me bu es stupide, — yuan dumai. — Also me bu godi fo may posto ku? Es muy stranje. In eni kasu, bu gai diki se."

E lu laudi lu-bu-vidi-ney kapra, admirii jamile kolores e magnifike rasma.

— Ya, es realem charmaful, — lu shwo a regus.

Nau oli urbajen en-shwo om splendide kapra.

E regus selfa en-yao kan da, duran ke da es haishi on mashinas. Kun gran grupa de selekti-ney kortayuan, inklusi-yen dwa lao honeste yuan kel yo bin dar, lu lai a dwa durte julnik. Sey-las zai gun yen ol mogsa, bat sin fios.

— Magnifike, bu ver? — shwo ambi respekti-ney yuan. — Yu vidi, yuy mahanitaa, es ya gro-

Но вслух он этого не сказал.

А обманщики приглашают его подойти поближе, спрашивают, веселы ли краски, хороши ли узоры, и при этом все указывают на пустые станки, а бедняга министр как ни таращил глаза, все равно ничего не увидел, потому что и видеть-то было нечего.

"Господи боже! - думал он. - Неужто я глупец? Вот уж никогда не думал! Только чтоб никто не узнал! Неужто я не гоюсь для своего места? Нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!"

- Что ж вы ничего не скажете? - спросил один из ткачей.

- О, это очень мило! Совершенно очаровательно! - сказал старый министр, глядя сквозь очки. - Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно нравится!

- Ну что ж, мы рады! - сказали обманщики и ну называть краски, объяснять редкостные узоры. Старый министр слушал и запоминал, чтобы в точности все доложить королю. Так он и сделал.

А обманщики потребовали еще денег, шелку и золота: дескать, все это нужно им для тканья. Но все это они опять прикарманили, на ткань не пошло ни нитки, а сами по-прежнему продолжали ткать на пустых станках.

Скоро послал король другого честного чиновника посмотреть, как идет дело, скоро ли будет готова ткань.

И с этим случилось то же, что и с министром, он все смотрел, смотрел, но так ничего и не высмотрел, потому что, кроме пустых станков, ничего и не было.

- Ну как? Правда, хороша ткань? - спрашивают обманщики и ну объяснять-показывать великолепный узор, которого и в помине не было.

"Я не глуп! - подумал чиновник. - Так, стало быть, не подхожу к доброму месту, на котором сижу? Странно! Во всяком случае, нельзя и виду подавать!"

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, и выразил свое восхищение прекрасной расцветкой и замечательным узором.

- О да, это совершенно очаровательно! - доложил он королю.

И вот уж весь город заговорил о том, какую великолепную ткань соткали ткачи.

А тут и сам король надумал посмотреть на нее, пока она еще не снята со станка.

С целой толпой избранных придворных, среди них и оба честных старых чиновника, которые уже побывали там, вошел он к двум хитрым обманщикам. Они ткали изо всех сил, хотя на станках не было ни нитки.

- Великолепно! Не правда ли? - сказали оба храбрых чиновника. - Соизвольте видеть, ваше величество,

hao rasma, gro-hao kolores!
E ili indiki vakue teximashina, dumai-yen ke otras mog sertem vidi kapra.
"Kwo es? — regus dumai. — Me bu vidi nihsa. Es hororful. Ob me es stupide? Ob me bu godi fo bi rega? Es zuy buhao kosa kel mog eventi."
— Oo, es muy jamile, — regus shwo. — Me dai may zuy gao aprobia.
Lu kivai santushtem e kan vakue mashinas, bu yao-yen konfesi, ke lu vidi nihsa. E ol luy sekwita kan, kan, vidi bu pyu kem otras, bat shwo samem kom regus: "Oo, muy jamile", e konsili, ke treba suti klaida fo lai-she solemne prosesion aus sey nove splendide kapra. "Es charmaful! magnifike! exelente!" — oni audi fon kada muh. Oli es in fule extas. Regus dai a kada julnik kavalierkros do botondun e titlo de kortatexiyer.

Bifoo sabah de prosesion, duran tote nocha julnikes sidi an suting, mah-jal pyu kem sitshi kandelas. Oni vidi, ke ili gro-mangi tayari nove klaida fo regus. Ili simuli, kwasi ili pren kapra fon mashinas, ili katarni aera bay gran siso, suti bay suti-ago sin fio, e finalem shwo:

— Walaa, klaida es tayare!
Regus lai a ili kun zuy eminente kortayuanes, e ambi julnik, lifti-yen handas gao e kwasi teni-yen koysa, shwo:
"Walaa panta! Walaa frak! Walaa mantelo! — E so for. — Olo es leve kom spaidaweba. Oni wud mog dumai, ke bu ye nihsa on korpo, bat se hi es ol truk!"

— Ya, ya, — oli kortayuan shwo, obwol vidi nihsa, por ke nihsa ye.
— E nau, yuy regale mahanitaa, plis deklaidi swa! — ambi julnik shwo. — Nu ve klaidi yu in lo nove, hir bifoo gran mira.
Regus deklaidi swa, e julnikes simuli pahani partas de nove klaida un afte otre. Ili pren lu sirkum talia, kwasi fixi koysa (tranika), e regus en-turni bifoo mira.

— Ah, da fiti ya gro-hao! — oli shwo. — Gro-hao rasma, gro-hao kolores! Es luxuose klaida!

— Ausen baldakin es yo tayare, — shef-seremoniyer informi. — Oni ve porti da sobre yuy mahanitaa in prosesion.
— Wel, me es tayare, — regus shwo. — Da fiti hao ku?

какой узор, какие краски!
И они указали на пустой станок, так как думали, что другие-то уж непременно увидят ткань.
"Что такое? - подумал король. - Я ничего не вижу! Это ужасно. Неужто я глуп? Или не гожусь в короли? Хуже не придумаешь! "

- О, это очень красиво! - сказал король. - Даю свое высочайшее одобрение!
Ой довольно кивал и рассматривал пустые станки, не желая признаться, что ничего не видит. И вся его свита глядела, глядела и тоже видела не больше всех прочих, но говорила вслед за королем: "О, это очень красиво!" - и советовала ему сшить из новой великолепной ткани наряд к предстоящему торжественному шествию. "Это великолепно! Чудесно! Превосходно!" - только и слышалось со всех сторон. Все были в совершенном восторге. Король пожаловал каждому из обманщиков рыцарский крест в петлицу и удостоил их звания придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за шитьем и сожгли больше шестнадцати свечей. Всем видно было, что они очень торопятся управиться в срок с новым нарядом короля. Они делали вид, будто снимают ткань со станков, они резали воздух большими ножницами, они шили иглой без нитки и наконец сказали:

- Ну вот, наряд и готов!
Король вошел к ним со своими самыми знатными придворными, и обманщики, высоко поднимая руку, как будто держали в ней что-то, говорили:
- Вот панталоны! Вот камзол! Вот мантия! - И так далее. - Все легкое, как паутинка! Впору подумать, будто на теле и нет ничего, но в этом-то и вся хитрость!

- Да, да! - говорили придворные, хотя они ровно ничего не видели, потому что и видеть-то было нечего.

- А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите снять ваше платье! - сказали обманщики. - Мы оденем вас в новое, вот тут, перед большим зеркалом!
Король разделся, и обманщики сделали вид, будто надевают на него одну часть новой одежды за другой. Они обхватили его за талию и сделали вид, будто прикрепляют что-то - это был шлейф, и король закрутился-завертелся перед зеркалом.

- Ах, как идет! Ах, как дивно сидит! - в голос говорили придворные. - Какой узор, какие краски! Слов нет, роскошное платье!

- Балдахин ждет, ваше величество! - доложил оберцеремониймейстер. - Его понесут над вами в процессии.

- Я готов, - сказал король. - Хорошо ли сидит платье?

E lu turni un ves pyu bifoo mira, lu yao diki ya, ke lu zai kan klaida atentem.

Shambelanes kel mus porti tranika tasti bay handas blisen ardiya, kwasi lifti tranika e go kun extendi-ney brasos — ili bu osi diki, ke bu ye nihsa fo porti.

So regus go avanen prosesion sub magnifike baldakin, e oli jen in jalan e windas shwo: — Ah, nove klaida de regus es bukomparibile! Kan sey jamilye tranika! Klaida fiti splendidem!

Niun yao konfesi, ke ta vidi nihsa, to wud signifi ya, ke ta es oda stupide oda bu godi-she fo suy gunposto. Nul de regus-ney klaidas gwo kausi tal komune extas.

— Lu es ya nude! — turan koy syao kinda shwo.

— May Boh, audi ba, kwo inosente infanta shwo, — suy patro shwo. E oli en-murmuri a mutu kinda-ney wordas.

— Lu es nude! Syao kinda shwo, ke lu es nude!
— Lu es nude! — finalem oli jen krai.
E regus en-senti swa bu hao. Sembli a lu, ke jenta es rehte, bat lu dumai: "Treba toleri prosesion til fin".
E lu konduiti yoshi pyu mahanem, e shambelanes go baken lu, porti-yen tranika kel yok.

И он еще раз повернулся перед зеркалом, ведь надо было показать, что он внимательно рассматривает наряд.

Камергеры, которым полагалось нести шлейф, пошарили руками по полу и притворились, будто приподнимают шлейф, а затем пошли с вытянутыми руками - они не смели и виду подать, что нести-то нечего.

Так и пошел король во главе процессии под роскошным балдахином, и все люди на улице и в окнах говорили: - Ах, новый наряд короля бесподобен! А шлейф-то какой красивый! А камзол-то как чудно сидит!

Ни один человек не хотел признаться, что он ничего не видит, ведь это означало бы, что он либо глуп, либо не на своем месте сидит. Ни одно платье короля не вызывало еще такого восторга.

- Да ведь он голый! - сказал вдруг какой-то ребенок.

- Господи боже, послушайте-ка, что говорит невинный младенец! - сказал его отец.

И все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

- Он голый! Вот ребенок говорит, что он голый!

- Он голый! - закричал наконец весь народ.

И королю стало не по себе: ему казалось, что люди правы, но он думал про себя: "Надо же выдержать процессию до конца".

И он выступал еще величавее, а камергеры шли за ним, неся шлейф, которого не было.